

В.М. Труб

КОММУНИКАТИВНЫЕ СВОЙСТВА ВЫСКАЗЫВАНИЙ С ПРЕДИКАТАМИ ПОИСКОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И ОСОБЕННОСТИ ОБОЗНАЧЕНИЯ ВАЛЕНТНОСТИ КРИТЕРИЯ ОТБОРА

I. Вводные замечания

Как известно, любая поисковая деятельность (поиск, выбор, отбор и т.д.) является одним из компонентов целесообразной деятельности. Целесообразная деятельность обычно может быть представлена как совокупность ряда последовательных этапов (Труб 1993): 1) желание чего-либо, служащее толчком для перехода к последующим этапам; 2) практическое рассуждение, в ходе которого субъект уточняет возможные пути, ведущие к достижению желаемого положения вещей и соотносит с ними свои возможности; 3) „взвешивание“, долженствующее привести субъекта к положительному решению о выполнении действия, ведущего к удовлетворению желания или же отказу от него; 4) намерение (стадия, отделяющая момент положительного решения субъекта о выполнении действия от начала приложения реальных усилий, направленных на достижение желаемой ситуации; 5) собственно практическое действие.

Всякая поисковая деятельность (ПД) так или иначе привязана к специфике прохождения этапа практического рассуждения. На данном этапе уточняются самые разные типы возможностей субъекта относительно достижения цели P . Одной из альтернативных возможностей является ситуация, когда субъект X не располагает всеми (или частью) средств (ресурсов) R , необходимых для достижения цели P , но считает возможным получить к ним доступ. В подобных случаях специфика практического рассуждения состоит в принятии решения о выполнении ПД как способа обнаружения объекта (ресурса), который будет затем вовлечён в практическое действие по достижению вторичной цели. Таким образом, ПД является одним из видов подготовительного процесса, предшествующего непосредственной практической деятельности (одним из способов приведения потенциала R в готовность – внесения в потенциал изменений, необходимых для его приложения к достижению P (Жолковский 1964)).

Структура ПД вполне изоморфна структуре любой целесообразной деятельности, т.е. состоит из тех же стадий желаяния, практического рассуждения, взвешивания, намерения, предшествующих непосредственным конкретным поисковым усилиям. Отличие состоит в том, что цель, преследуемая ПД (ср. 'узнать, где находится нужный объект', 'установить, выявить объект, пригодный для достижения конечной цели'), как и цель любой подготовительной деятельности, является промежуточной, производной от конечной – той, которая должна удовлетворить исходное желание субъекта. При этом достижение некоторых промежуточных целей может в свою очередь требовать определённой подготовительной деятельности, однако в конечном итоге их реализация сводится к непосредственному выполнению действий, не требующих какой-либо подготовки.

Следует подчеркнуть, что важный момент описания семантики предикатов поисковой деятельности (ППД) связан с уточнением валентного статуса прямого дополнения (Труб 1999). По этому признаку данные предикаты можно разбить на две группы:

1) ППД1 – *искать1, разыскивать*, у которых прямое дополнение всегда обозначает объект поиска, имеющий референтный денотативный статус (Падучева 1985, 79-98; Труб 1991);

2) ППД2 – *искать2, подыскивать, выбирать, подбирать, отбирать*, у которых при их употреблении в форме НСВ (указывающей на незавершённость процесса ПД) прямое дополнение (или группа прямого дополнения) характеризуется нереперентным денотативным статусом, а его ролевая функция является достаточно неопределённой (подробнее см. ниже).

Предикаты первой группы соотносятся с более продвинутой стадией практического рассуждения, когда решение о том, какой именно референтный объект (лицо) будет вовлечен в ситуацию конечной цели (или ее достижение) уже принято, и задача ПД состоит только в том, чтобы его обнаружить.

Предикаты же второй группы предполагают, что это решение принимается собственно в ходе ПД. В этом случае промежуточная цель, преследуемая ПД, состоит не в установлении местонахождения некоторого объекта, а в том, чтобы определить значение необходимого параметра ситуации вторичной цели (Падучева 1999) – установить конкретный объект, являющийся пригодным или оптимальным для участия в деятельности по достижению вторичной цели.

Общим характерным свойством, объединяющим значения всех ППД (как первой, так и второй группы) является невозможность описания их семантики без учета таких неотъемлемых компонентов любой ПД как:

1) субъект поиска; 2) объект поиска; 3) множество выбора; 4) вторичная цель (функция, которую должен выполнять искомый объект в ситуации

конечной цели); 5) критерий отбора. В состав возможных валентностей ППД входит и факультативная валентность „потенциального пользователя“ ситуации вторичной цели, обозначаемая посредством дательного падежа существительного (*N dat.*) или предложно-падежной формой (для *N rod*). Данная валентность указывает на участника – лицо, в интересах которого осуществляется ПД, не обязательно совпадающее с её субъектом: (1) *Он выбирает себе (Колле) невесту; Он подыскивает для фирмы врача.*

Важным инструментом изучения семантики ППД оказывается также исследование их противопоставленных видовых форм – ср. Падучева 2004а.

Для предикатов первой группы противопоставление форм СВ и НСВ (как собственных, так и несобственных – ср. *разыскивать – разыскать, искать1 – найти1*) никак не меняет представление субъекта ПД о ее объекте, обозначенном группой прямого дополнения. Как в первом, так и во втором случае это объект, который, с точки зрения субъекта, является референтным.

Для предикатов же второй группы это противопоставление маркирует изменение представления субъекта о референции объекта поиска. При этом наиболее неоднозначной оказывается семантическая роль прямого дополнения при формах НСВ. По меткому выражению Е.В. Падучевой (Падучева 1999), „синтаксический актант в этом случае пребывает в растерянности -какого участника ему обозначать?“ Действительно, в подобных ситуациях в нереферентной группе прямого дополнения одновременно неясно просматриваются, „мерцают образы“ всех или почти всех из перечисленных необходимых компонентов ПД.

Чем менее специфичной является единица, используемая для обозначения потенциального объекта – результата выбора (т.е. чем меньше других необходимых компонентов ПД отражается в ее семантике), тем более вероятно их самостоятельное выражение через стандартное или нестандартное заполнение соответствующей валентности. Ср.:

(2) *Грушиницкий выбирает даму для танца* (валентность вторичной цели).

(3) *Он подбирает мебель, оптимально вписывающуюся в интерьер* (где причастный оборот заполняет валентность критерия отбора (КО)). Валентность КО далеко не всегда может быть обозначена четко закреплённым за ней синтаксическим средством. К таким средствам относятся слабоуправляемая предложно-падежная форма *по N dat.*, задающая ту или иную „шкалу“, а также „специальная“ форма наречия – ср. соответственно примеры, приводимые в Падучева 2004а: *Он выбирает сотрудницу по анкетным данным (по внешнему виду)* и *Выбираю сосну повыше*. Однако

намного чаще значение КО „вычисляется“ из значений таксономического показателя прямого дополнения и его определительной группы (как в (3)).

(4) *Он подыскивает (себе) жену из (среди) казачек* (валентность множества выбора). Как отмечается в Падучева 1999, множество выбора может быть задано и через дизъюнкцию – (5) *Он выбирает между Машей и Дашей*, где оно в сущности указывается перечислением его элементов. Показательно, что в данном случае каждый из элементов множества является референтно-определенным. Но это обстоятельство никак не влияет на денотативный статус потенциального объекта – результата выбора, который на данном этапе остается нереперентным.

Употребление же формы СВ данных предикатов указывает на то, что промежуточная цель достигнута – установлено лицо или объект, пригодный для участия в достижении вторичной цели. Тем самым ситуация обретает устойчивое результирующее состояние, в котором уже можно четко вычленить референтный объект – результат выбора, ещё отсутствовавший на стадии ПД, обозначенной формой НСВ. Однако это ещё не означает, что прямое дополнение при ППД в форме СВ, имея референтный денотативный статус, всегда указывает только на объект (результат) выбора. Как справедливо утверждается в Падучева 2004а, следует различать косвенное и прямое обозначение объекта – результата поисковой деятельности. Так, в

(6) *Фирма выбрала (подыскала) (себе) врача; Компания отобрала слесарей для ремонтных работ;*

(7) *Он нашел² (выбрал) (себе) жену (невесту, друга)* прямое дополнение, соотносясь с уже референтным объектом, по-прежнему содержит указания и на другие компоненты осуществленной ПД – на вторичную цель ПД (6-7) и частично – на множество выбора (6). Во всех этих случаях прямое дополнение является косвенным обозначением объекта, которое указывает на референтный неопределенный объект. Данное дополнение косвенно (неявно) соотносится со значением соответствующего параметра ситуации вторичной цели, которое уже установлено субъектом ПД, но по тем или иным причинам не эксплицируется говорящим (например, потому, что оно ему неизвестно). А прямому обозначению установленного значения параметра соответствует номинация, указывающая на референтный определенный объект: (8) *Он выбрал Марию; Комиссия отобрала Ивана* (т.е. лицо, известное и говорящему, и слушающему).

Следует отметить, что факультативная валентность „потенциального пользователя“ ситуации вторичной цели оказывается практически несоместимой (несоподчинимой в смысле Апресян 1974, 151-152 с прямым обозначением объекта ПД. Поэтому она не реализуется при ППД1 – ср. (9) **Он разыскивает себе (для Коли) Машу; *Он разыскал Коле Машу*. По той же причине она не употребляется при прямом обозначении установленного

пригодного объекта при формах СВ ППД2: (10) *Он выбрал себе (Жоле) Машу; *Комиссия отобрала фирме Ивана.* В таких случаях с некоторой натяжкой допустима лишь её реализация в форме для *N* род.: (11) *Комиссия отобрала для фирмы Ивана.* Реализация данной валентности нормативно допустима только в случаях косвенного обозначения объекта незавершенной или завершенной поисковой деятельности при ППД2 – см. примеры, приведенные выше.

II. Взаимосвязь между типом референции объекта ПД и коммуникативными свойствами высказывания

Второй актанта при формах СВ ППД2 имеет четкий референтный статус, если для его обозначения используется именная группа с однозначной индивидуальной референцией (Падучева 1999). При этом, как мы видели, следует различать:

а) референтно-неопределенные актанта, указывающие на объект, ранее неизвестный, по крайней мере слушающему – ср. (1) *Грушницкий выбрал даму для танца; Он выбрал (себе) лошадь; Они отобрали двух человек.*

б) референтно-определенные актанта, указывающие на объект, известный и говорящему, и слушающему – ср. (2) *Грушницкий выбрал княжну Мери; Они отобрали Ивана.*

Следует особо подчеркнуть взаимосвязь между типом референции объекта ПД, заполнением определенных факультативных валентностей и коммуникативными свойствами высказывания. Нереферентный статус объекта при формах НСВ ППД2 (как и его референтно-неопределенный статус при формах СВ) в сочетании с реализацией валентности вторичной цели свидетельствует о том, что в рему предложения входит сам предикат. Тем самым в состав ремы входит вся описываемая им ситуация вместе с заполненными в предложении переменными. Так, (3) *Грушницкий выбирал (выбрал) даму для танца* коммуникативно членится как ‘То, что можно сказать о Грушницком, есть: выбирал (выбрал) даму для танца’, т.е. о ПД сообщается впервые.

При тех же условиях опущение целевой валентности обязательно предполагает ту или иную предварительную осведомленность слушающего о развитии описываемой ситуации. В отличие от (3), примеры (4) и (5) дополнительно характеризуются однотипными актуализованными прагматическими презумпциями:

(4) *Грушницкий выбирал (себе) даму* = ‘Презумпция: В ситуации, о которой идет речь, было естественно ожидать, что Грушницкий (как и другие) захочет танцевать и станет выбирать даму для танца. Ассерция: То, что Грушницкий выбирал даму для танца, верно’.

(5) *Грушницкий выбрал (себе) даму* = ‘Презумпция: В ситуации, о которой идет речь, было естественно ожидать, что Грушницкий станет выбирать даму для танца. Ассерция: То, что Грушницкий выбрал даму для танца, верно’. Как видим, ассертивную часть (4) и (5) составляет положительная верификация предположений, образующих их презумпции.

Употребление же конкретно-референтного объекта ПД всегда предполагает осведомленность слушающего о предварительном развитии ситуации. Степень этой осведомленности зависит от реализации или нереализации целевой валентности. Так, (6) и (7) опираются на разные прагматические презумпции (при этом в (6) реализована прямая диатеза модели управления *выбирать* (Падучева 2004а) с четким „раздельным“ обозначением объекта – результата выбора и ситуации вторичной цели, в которой объект должен быть задействован:

(6) *Грушницкий выбрал для танца княжну Мери* = ‘Презумпция: В ситуации, о которой идет речь, было естественно ожидать, что Грушницкий станет выбирать даму для танца. Ассерция: То, что Грушницкий выбрал даму для танца, верно. Та, кого он выбрал – княжна Мери’;

(7) *Грушницкий выбрал княжну Мери* = ‘Презумпция: Грушницкий выбирал даму для танца. Ассерция: То, что Грушницкий выбрал даму для танца, верно. Та, кого он выбрал – княжна Мери’.

В (3) реализация целевой валентности выполняет классическую функцию конкретизации соответствующей переменной толкования, указывая на то значение переменной, которое она приобретает в предложении. В (6) данная валентность реализуется в маркированной позиции перед референтно-определенным объектным актантом (в отличие от ее немаркированного употребления в постпозиции к нереферентному или референтно-неопределенному актанту – как в (3)). Такая позиционная „рокировка“ указывает на то, что данная валентность заполняется значением, которое к моменту речевого акта и так достаточно очевидно (что и находит отражение в презумптивной части (6) (ср. в связи с этим совершенно неочевидное заполнение данной валентности в (3))). Одновременно референтно-определенный актант, занимая во фразе конечную позицию, попадает в коммуникативный фокус.

А в (7) нереализация валентности выполняет функцию анафорического сокращения (компрессии) – в заполнении соответствующей переменной нет нужды, так как ее значение уже известно, что однозначно отражено в презумпции.

Обратим внимание на асимметрию последствий реализации целевой валентности в (3) с одной стороны, и в (6) – с другой. Данная асимметрия отражает разные коммуникативные свойства косвенных и прямых диатез (в смысле Падучева 2004а). Уточнение характера вторичной цели при не-

референтном или референтно-неопределенном (т.е. косвенно обозначенном) объекте (1) не имплицитует никакой прагматической презумпции. В то же время заполнение этой валентности при референтно-определенном актанте в (6) предусматривает достаточно обширную презумптивную часть – такую же, как в (4-5), где она, наоборот, вызвана „анафорической“ нереализацией данной валентности. А её анафорическое сокращение при конкретно-референтном объекте в (7) изменяет модальный статус прагматической презумпции. Если в (4, 5 и 6) эта презумпция указывает на ожидание ситуации, то в (7) – на её фактивность.

Употребление конкретно-референтного актанта в коммуникативном фокусе (как в (6-7)) служит средством выражения дополнительной (относительно толкования предиката) предикации отождествления, которая становится последней или единственной ремой высказывания. Её функция состоит в предикции заполнения переменной, соотносящейся с определенным участником ситуации, все остальные содержательные аспекты которой уже известны слушающему. В этом случае предмет отождествления – идентифицируемая тема (переменная, которую предстоит заполнить) представляет собой дескрипцию, построенную на базе толкования предиката, описывающего данную известную ситуацию. Средством же заполнения переменной (т.е. ремой) служит конкретно-референтный актант, фигурирующий в коммуникативном фокусе предложения. Так, (8) *Иван в Москву уехал?* ‘Место, куда Иван уехал – Москва’, где факт отъезда Ивана входит в состав прагматической презумпции.

Подобная же структура характеризует и (6-7), хотя и отличается спецификой отождествления объекта ПД при формах СВ ППД2. Дело в том, что эти глаголы, подобно другим предикатам, описывающим динамический мыслительно-волеитивный процесс принятия решения (Падучева 2004а), характеризуются признаком ограниченной контролируемости. Действительно, в подобных ситуациях положительный исход – принятие искомого решения не может быть однозначно гарантировано (например, Грушницкий мог так никого и не выбрать). Именно поэтому значения форм СВ ППД2, фиксирующие факт получения искомого результата Р, содержат в ассертивной части положительную истинностную оценку вида ‘То, что Р, верно’, подтверждающую факт достижения промежуточной цели – принятие решения, приемлемого для субъекта. Именно этот компонент отличает значение форм СВ ППД2 от их форм НСВ, тем самым свидетельствуя о превращении нереферентного потенциального объекта ПД в её референтный результат. И только этот результат может быть конкретизирован в предикации отождествления. Поэтому при формах СВ ППД2 предикация отождествления объекта-результата ПД не может быть единственной порцией ассертивной части семантического представления – ей обязательно должен

предшествовать компонент, верифицирующий получение искомого результата. Следует также отметить, что в примерах (5) и (6) положительная истинностная оценка имеет „синкретичный“ характер. Она, во-первых, подтверждает верность предположения (ожидания), содержащегося в презумптивной части (о том, что Грушницкий будет выбирать даму для танца), а во-вторых положительно верифицирует нахождение требуемого решения, тем самым удостоверяя осуществление выбора.

В то же время для идентификации любого другого (не объектного) актанта при формах СВ *выбрать* необходимости в предварительной верификации не возникает. Ср. (9) *Грушницкий выбрал княжну Мери для танца* ≈ ‘Презумпция: Грушницкий выбрал княжну Мери. Ассерция: Он сделал это для того, чтобы танцевать с нею’; (10) *Он выбрал Анну из казачек* = ‘Презумпция: Он выбрал Анну. Ассерция: Множество, из которого он выбрал Анну – казачки’.

Между тем далеко не все формы СВ ППД2 допускают употребление конкретно-референтного объектного актанта, хотя и способны присоединять в качестве прямого дополнения неопределенно-референтные именные группы. Ср.:

(11) *Он подыскал (себе) секретаршу*, но **Он подыскал Анну*;

(12) *Он подобрал одного слесаря*, но **Он подобрал Ивана*;

(13) *Он нашел2 (себе) секретаршу*, но **Он нашел2 Анну* при абсолютной нормальности

(14) *Он нашел1 Анну на пляже*, которое опирается на прагматическую презумпцию ‘Он искал1 (разыскивал) Анну’.

Таким образом, формы СВ ППД2 выдвигают разные требования к референциальному статусу объекта ПД: *выбирать* и *отбирать* не накладывают никаких ограничений, а *искать2*, *подыскивать*, *подбирать* исключают конкретно-референтный статус их объекта. Эта особенность сочетаемости, естественно, существенно ограничивает их коммуникативную парадигму, делая невозможным построение на их базе предикации отождествления.

III. Особенности экспликации валентности критерия отбора при разных ППД.

Остановимся на некоторых особенностях критерия отбора (КО), в соответствии с которым осуществляется поисковая деятельность, описываемая исследуемыми ППД. Следует иметь в виду, что КО, будучи необходимым компонентом „алгоритма“ любой поисковой деятельности, часто бывает, так сказать, не дан в прямом наблюдении. На практике дело обстоит так, что о пригодности того или иного объекта для участия в ситуации вторичной цели нередко приходится судить на основании косвенных, но более

доступных наблюдению признаков. В подобных случаях обычно говорят о *явных, первых признаках, симптомах* и т.д. Такие признаки мы будем называть „прозрачными“. Субъект располагает критерием отбора, если он знает:

1) какие „прозрачные“ признаки (один или несколько) свидетельствуют о нужных качествах исследуемого объекта;

2) относительно каждого из прозрачных признаков субъект легко может дать ответ, обладает или не обладает объект данным признаком.

Например, если мы собираем в поле спелые огурцы, то прежде чем сорвать огурец, должны убедиться в его спелости. Однако свойство спелости проявляется не само по себе – для нас оно сводится к ряду легко наблюдаемых признаков (светло-зеленый цвет, норма размера (средний), определенная норма формы (близкая к усеченному конусу)). Именно набор этих признаков является для нас свидетельством желанных вкусовых качеств огурца. Считается, что спелый арбуз – это арбуз, который издает треск при его сдавливании. При приёме в легионеры Цезарь приказывал запирать претендента в клетку с привязанным внутри медведем. Тех, кто в этой ситуации бледнел, не брали. Для субъекта, который не знает прозрачных диагностирующих признаков, выбор нужного объекта может оказаться неудачным. О людях, которым такие признаки известны, говорят что они *разбираются (понимают)* в качествах объектов, которые через эти признаки манифестируются – ср. *Он (хорошо) разбирается в лошадях (арбузах...)*.

Этот же принцип распространяется и на обнаружение референтных объектов. Для того, чтобы попасть, скажем, в аптеку № 21, нужно знать, что это аптека, находящаяся по ул. Васильковской 55. Последний признак потом может быть переформулирован в ещё более доходчивых дейктических терминах – аптека в первом доме за перекрестком на противоположной стороне улицы.

К прозрачным признакам, распознавание которых большей частью не вызывает затруднений, в первую очередь относятся такие, которые указывают на таксономическую принадлежность объекта, попавшего в поле зрения субъекта. Следует подчеркнуть, что набор признаков, образующих КО является упорядоченным и не обладает свойством коммутативности – в первую очередь устанавливается требуемая таксономическая принадлежность объекта, а уже затем проверяются другие его признаки. При сборе спелых огурцов мы проверяем объект на соответствие норме размера и цвета, если этот объект – огурец, но не наоборот.

Даже если субъект располагает эффективным КО, в предложении, повествующем о соответствующей поисковой деятельности, этот КО совсем не обязательно будет обозначен через прозрачные признаки. Так, в примерах (1) *Он умеет подбирать людей, знающих дело; Он отбирает*

документы, подлежащие уничтожению; Он выбирает (себе) еду по вкусу имеется в виду, что субъект знает, по каким признакам определить, что человек „знает дело“, что документ подлежит уничтожению или что еда будет ему вкусна, хотя в предложении эти признаки никак не обозначены.

КО ППД2 вида *искать2, подыскивать, подбирать, выискивать, отбирать, выбирать* нормативно никогда не исчерпывается таксономическим признаком, на который указывает существительное, обозначающее объект ПД. Так, в (2) *Фирма ищет2 (подыскивает, подбирает, отбирает...) (себе) слесаря* имеется в виду, что признак ‘быть слесарем’ является заведомо не единственным компонентом КО. Если же обозначение объекта ПД сопровождается местоименным показателем типа *какой-нибудь, любой*, то имеется в виду, что данный комплекс обозначает **весь** КО. Так, в (3) *Он ищет2 какого-нибудь слесаря*; (4) *Он ищет2 любого слесаря* речь идет о том, что он ищет „все равно какого слесаря“, т.е. что значение ‘ $\forall(x)$ если $x \in$ СЛЕСАРИ’ является **единственным** компонентом, образующим КО. Различие же между (3) и (4) состоит в том, что в (4) дополнительно подчеркивается простота КО.

В то же время для большинства других ППД2 подобное обозначение КО является недопустимым – ср. (5) **Он подыскивает (подбирает...) (себе) какого-нибудь слесаря*. Дело в том, что эти ППД в принципе не допускают полного обозначения своего КО. В данном случае имеется в виду, что признак ‘быть слесарем’ представляет собой только часть КО, тогда как в (3) сочетание прямого дополнения с местоименным показателем образует **весь** критерий. По той же причине является аномальной фраза (6) **Он подыскивает в тексте слова, отсутствующие в машинном словаре*, где группа прямого дополнения обозначает „прозрачный“ признак, образующий **весь** КО. Ведь факт отсутствия какого-либо слова в машинном словаре устанавливается непосредственно, не требуя для этого каких-либо косвенных подтверждений. Поэтому для правильного выражения соответствующей мысли следует использовать другие ППД – ср., например, (7) *Он разыскивает (ищет2, отыскивает) в тексте слова, отсутствующие в машинном словаре*.

Следует также иметь в виду, что таксономические показатели объекта ПД должны удовлетворять и определенным дополнительным требованиям. Нормативно выражения типа *какой-нибудь X, любой X* опираются на общеизвестную презумпцию о том, что соответствующие элементы, будучи представителями одного и того же таксономического класса X , могут, тем не менее, отличаться друг от друга по разным признакам, и эти отличия нормативно фиксируются человеческим сознанием. Ср. в этой связи странность примеров (8) ¹*Он ищет какого-нибудь волка (дельфина, рысь...)*; ²*Он подыскивает (подбирает, выбирает...) волка (дельфина, рысь...)*, в кото-

рых нарушается изначальное представление о допустимых различиях между объектами поиска, принадлежащими к одному и тому же таксономическому классу. Ведь человеку нормативно „непривычно“ улавливать отличия между особями волков, дельфинов, рысей и т.д. Кроме того семантика рассматриваемых предикатов „презумптивно“ предусматривает, что у субъекта есть свободный доступ к открытому или ограниченному множеству, где локализованы „претенденты“, среди которых осуществляется ПД. В данном случае речь должна идти о свободном доступе к местам обитания волков, рысей, дельфинов, что плохо коррелирует с общеэнциклопедическими сведениями или требует „мощной контекстуальной поддержки“.

Местоименные показатели *какой-нибудь, любой* как компоненты обозначения КО нормативно могут характеризовать объект, реально имеющий таксономический статус, заданный существительным, которое этот объект обозначает. Так, в (3-4) имеется в виду, что некоторое лицо будет признано пригодным для участия в ситуации вторичной цели, если оно является слесарем. Ср. в этой связи неприемлемость примеров типа (9) *1 Он ищет2 (себе) какую-нибудь (любую) невесту; 2 Он ищет2 (себе) любого друга (заместителя)*. В сочетаниях *какая-нибудь (любая) невеста, какойнибудь (любой) друг (заместитель)* и других подобных имеется в виду, что местоимение определяет существительное, обозначающее лицо, которое имеет реальный, априорный статус невесты, друга, заместителя и т.д. Между тем в (9) речь идет о поисковой деятельности среди лиц, которые такого статуса не имеют и могут обрести его лишь в случае её успешности (т.е. если субъект сочтет, что некоторый „претендент“ обладает нужными качествами и вдобавок заручится его (претендента) согласием на выполнение соответствующей функции) – ср. Труб 1999.

Если же прямое дополнение при ППД2 (НСВ) не сопровождается местоименным показателем, то оно способно обозначать любой объект поисковой деятельности – как априорно обладающий нужным свойством – ср. (2), так и такой, который желанным статусом (еще) не обладает: (10) *Он ищет (подыскивает, выбирает...) (себе) невесту (друга, заместителя...)*. Как было отмечено наивпредыдущем разделе, впервом случае в предложении содержится больше информации о необходимых участниках поисковой деятельности – о множестве, из которого осуществляется выбор, о характере вторичной цели (выполнение квалифицированных слесарных работ) и одновременно – о части КО, которым субъект руководствуется.

Важная особенность значения ППД2 *отбирать* состоит в том, что отбор осуществляется из ограниченного референтного множества однотипных элементов, каждый из которых априорно обладает нужным таксономическим признаком. Поэтому объектом отбора принципиально не может быть элемент (в частности – лицо), которое только претендует на

нужный статус: (11) **Он отбирает (себе) невесту (друга, заместителя...)*. С другой стороны, в подобных ситуациях КО заведомо не исчерпывается таксономическим признаком, общим для всех элементов множества, из которого осуществляется отбор – ср. в связи с этим аномальность (12) **Он отбирает какого-нибудь (любого) слесаря*, где имеется в виду, что свойство ‘быть слесарем’ образует весь КО.

Специфика КО, которым руководствуется субъект ППД *подбирать*, состоит в том, что данный КО ориентирован на установление сходства, подобия, соответствия определенных параметров искомого элемента с чемлибо, уже имеющимся в наличии – ср. *подбирать мебель к обоям; подбирать шампунь к волосам*.

Подобно отбору, выбор также осуществляется из некоторого референтного (закрытого) множества, состав которого может быть, однако, довольно разнородным. Ср. в этой связи пример из Падучева 2004а: (13) *Он выбирает между машиной и дачей*, где предусматривается достаточно абстрактный принцип объединения элементов (машина и дача) в одно множество. Такая абстрактность достигается благодаря представлению множества через перечисление его элементов, что в свою очередь обеспечивается уникальным диатетическим вариантом модели управления *выбирать*. Ср. в связи с этим, например, аномальность **отбирать между машиной и дачей* или **подыскивать между машиной и дачей*. *Отбирать*, как мы видели, предполагает однотипность объектов, образующих множество выбора, а *подыскивать*, как и *искать*, предусматривает поиск на открытом множестве среди объектов произвольной природы, в котором могут „вперемежку“ встречаться объекты и совсем не той таксономической природы, нежели та, которая требуется субъекту поисковой деятельности.

Одним из важнейших отличий выбора является отсутствие у субъекта предварительных четких установок относительно критерия отбора (КО). Решение о пригодности/непригодности того или иного объекта принимается без опоры на заранее заготовленный достаточный набор „прозрачных“ признаков при непосредственном восприятии данного объекта и с обязательным его сравнением с другими объектами множества, которому он принадлежит. Правда, в случаях достаточно объемного множества субъекту не всегда удастся удержать в поле зрения все образующие его элементы. Уже это обстоятельство ограничивает возможность выбора наиболее предпочтительного из всех его объектов (другие факторы, препятствующие оптимальности выбора, будут рассмотрены ниже). Таким образом, при выборе, в отличие, например, от ситуаций, описываемых ППД *искать*², КО никогда не исчерпывается только фактом вхождения объекта в ту или иную собирательную совокупность, т.е. субъекту заведомо не все равно, какой

элемент данного множества он сочтет пригодным для участия в ситуации вторичной цели. Поэтому КО выбора никогда не сводится только к нужному таксономическому признаку. Так, в (14) *Грушницкий выбирает даму для танца* КО ни в коей мере не сводится только к признаку 'быть элементом множества дам, о котором идет речь'. Ср. также аномальность (15) **Он выбирает какую-нибудь (любую) даму*.

Следует также иметь в виду, что при выборе на решение субъекта могут влиять не только чисто рациональные соображения, но и его субъективные установки, которые не всегда гарантируют оптимальность выбора. Как справедливо отмечено в Падучева 2004а, „в контексте выбора слова *удачно, неудачно* встречаются чаще, чем *правильно, неправильно*“.

Субъективизм выбора проявляется и в различии вкусов. Оценивая Ольгу, Онегин говорит Ленскому: ...*По мне, я выбрал бы другую... В ней жизни нет, Кругла, красна лицом она...*, т.е. округлость и краснота лица Ольги говорит Онегину об „отсутствии в ней жизни“, а это свидетельствует, что Ольга не соответствует онегинскому КО. Ср. также рассмотренный в Арутюнова 1988 пример рассуждений гоголевской невесты, указывающий на то, что выбор жениха так и не был осуществлен из-за её сверхтребовательного КО, констатировавшего отсутствие подходящего претендента во множестве, из которого предстоит сделать выбор: „Если бы губы Никанора Ивановича да приставить к носу Ивана Кузьмича, да взять сколько-нибудь развязности, какая у Балтазара Балтазарыча, да, пожалуй, прибавить к этому ещё дородности Ивана Павловича – я бы тогда тотчас же решилась“ (Н. Гоголь).

Другой аналогичный пример безуспешной поисковой деятельности, но проводимой уже на открытом множестве претендентов, содержится в отрывке из басни И.А. Крылова „Разборчивая невеста“, приведенном в той же работе: „...Ну как ей выбирать из этих женихов? Тот не в чинах, другой без орденов; А тот бы и в чинах, да жаль, карманы лусты; То нос широк, то брови густы. Тут этак, там не так; Ну не придёт никто по мысли ей никак“.

Хотя, при всём разнообразии вкусов, о которых не спорят, существуют определённые стандарты красоты, удовлетворяющие всех:

Во всех Ты, Душенька, нарядах хороша; На Тебя заглядеться не диво, Полюбить Тебя всякий не прочь...

Трудности, связанные с выбором оптимального объекта, умело обыгрываются в рекламных объявлениях: *Приходите втроем – сами не выберете* (о разнообразии видов мебельных гарнитуров, имеющихся в продаже). Тем самым указывается на обилие во множестве выбора разнообразных объектов, удовлетворяющих самым разным КО. Аналогично в стандартных выражениях типа *Имеется большой (широкий) выбор X-ов* характеризуется

именно „мощность“ множества выбора. Однако намного чаще реклама „берёт все трудности на себя“, подсказывая субъекту готовые решения: *X – лучший выбор!*; *X – идеальный выбор для тех, кто заботится о своём здоровье и стремится поддерживать свой вес*; „Славутич“ – пиво *наиболее прекрасных часов!*

Следует подчеркнуть, что в отличие от „реальной“ модальности, в контексте „снятой утвердительности“ (ср. Падучева 2004б), в частности – в императиве, употребление местоимений типа –*нибудь* и *любой* в сочетании с прямым дополнением при ППД2 становится вполне уместным. Употребление в императиве местоимения –*нибудь* обычно предусматривает форму СВ ППД2 – ср. (16) *Выбери (²выбери) (себе) какую-нибудь девушку* или же форму СВ других глаголов, что предполагает имплицитное употребление ППД; (17) *Дай (²давай) мне какую-нибудь книгу с полки? Выбери на полке какую-нибудь книгу и дай ее мне*. В таких случаях на поверхность вынесено обозначение объекта (*какая-нибудь девушка, какая-нибудь книга*), который должен стать результатом еще не прозведенного выбора. Подобные обозначения, которым на глубинном уровне соответствует объект, находящийся под квантором существования ($F(x)$ ($x \in$ ДЕВУШКИ), $F(x)$ ($x \in$ КНИГИ)), отражают представление об этом объекте говорящего. Употребление же форм СВ, свидетельствующих об успешном завершении поисковой деятельности, как раз и подчеркивает то обстоятельство, что обозначение с местоимением –*нибудь* отражает представление говорящего об объекте, который станет **результатом** будущего выбора. А решение о том, какую именно девушку (книгу) выбрать, субъекту (адресату обращения) предстоит принять самостоятельно и о критериях, на которых будет основываться это будущее решение, в предложениях (16-17) ничего не сказано. Тем самым в (16-17) зафиксировано обозначение объекта ПД с точки зрения говорящего – субъекта побуждения (понимание *de re* – ср. Падучева 1979) при том, что представление о нем со стороны субъекта будущей ПД (понимание *de dicto*) ещё не сформировано.

Таким образом, в реальной модальности местоимение –*нибудь* (так же как и *любой*), неупотребимо в составе прямого дополнения при большинстве ППД2 (за исключением ППД2 *искать*², *выискивать*, при которых оно может выступать компонентом полного (и прозрачного) обозначения КО). А в императивной модальности данное местоимение при тех же ППД2 соотносится только с обозначением потенциального объекта выбора, никак не содействуя прояснению КО.

Использование же в императивных предложениях в составе прямого дополнения местоимения *любой* выполняет другую функцию – функцию указания на полноту охвата множества выбора – ср. Селиверстова 1964. Ср. в этой связи фрагмент арии хана Кончака из оперы Бородина „Князь

Игорь“: (18) *У меня есть красавицы чудные: Косы, как змеи, на плечи спускаются... Если хочешь любую из них выбирай; Хочешь, возьми коня любого...*, где имеется в виду, что князю Игорю предоставляется право выбирать из **всего** множества красавиц, лошадей, которыми располагает Кончак. При этом выбирать Игорю предстоит по собственному усмотрению, т.е. местоимение опять-таки не имеет никакого отношения к обозначению КО.

Если же ППД2 в реальной модальности допускает обозначение всего КО с помощью данных местоимений, то они сохраняют то же значение и в императиве: (19а) *Он ищет2 какого-нибудь (любого) слесаря =>* (19б) *Найди2 (позици2) какого-нибудь (любого) слесаря*, где и в (19а) и в (19б) местоимения являются компонентом обозначения всего прозрачного КО.

В заключение отметим, что ещё один семантический признак, по которому могут контрастировать рассматриваемые предикаты, – это количественная характеристика объекта ПД. Для подавляющего большинства ППД требование уникальности объекта поиска, выбора, подыскивания и т.д. не является обязательным. Количественные параметры объекта определяются прагматическими аспектами, обусловленными спецификой вторичной цели, ради которой данная ПД осуществляется. Так, при выборе жены, поиске жениха или партнерши для танца речь нормативно может идти только об одном объекте. В других случаях, например, при поиске, подборе представителей определенных профессий, мебельных гарнитуров и т.д. на объект ПД не накладывается никаких количественных ограничений – речь может идти как об одном, так и более чем одном поисковом элементе. Хотя, скажем, при отборе ситуация с множественным объектом представляется более „прототипичной“.

В то же время ситуация набора однозначно предусматривает только множественный объект – ср. (20) **Комиссия набрала одного слесаря; *На новый факультет набрали одного студента*. Ведь само значение *набирать* однозначно предполагает формирование нового множества объектов, сгруппированных по какому-либо общему признаку.

Литература

- Апресян, Ю.Д. 1974. *Лексическая семантика. Синонимические средства языка*, М.: Наука.
- Арутюнова, Н.Д. 1988. *Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт*, М.: Наука.
- Жолковский, А.К. 1964. „Лексика целесообразной деятельности“, *Машинный перевод и прикладная лингвистика*, вып. 8. М.
- Жолковский, А.К., Мельчук И.А. 1967. „О семантическом синтезе“, *Проблемы кибернетики*, вып. 19. М.
- Падучева, Е.В. 1979. „Об именных группах со двоянной денотативной характеристикой“, *Семиотика и информатика*, вып. 11. М.
- Падучева, Е.В. 1985. *Высказывание и его соотношенность с действительностью (референциальные аспекты семантики местоимений)*, М.: Наука.
- Падучева, Е.В. 1999. „Метонимические и метафорические переносы в парадигме значений глагола назначить“, *Типология и теория языка (от описания к объяснению). К 60-летию Александра Евгеньевича Кибрика*, Москва: Языки русской культуры, 488-502.
- Падучева, Е.В. 2004а. *Динамические модели в семантике лексики*, М.: Языки славянской культуры.
- Падучева, Е.В. 2004б. „Эффект святой утвердительности“, *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Труды международной конференции Диалог '2004 („Верхневолжский“, 2-7 июня 2004)*, 479-486.
- Селиверстова, О.Н. 1964. „Опыт семантического анализа слов типа *все* и типа *кто-нибудь*“, *ВЯ*, 4, 80-90.
- Труб, В.М. 1991. *Об одном походе к исчислению типов объектных означаемых*, М.: Институт русского языка АН СССР. Предварительные публикации. Вып. 181.
- Труб, В.М. 1993. „Лексика целесообразной деятельности (опыт описания)“, *Логический анализ языка. Ментальные действия*, М.
- Труб, В.М. 1999. „О семантической структуре предикатов поисковой деятельности“, *Логический анализ языка. Языки динамического мира*, Дубна, 148-158.